

The background is a rich, detailed still life painting. It depicts a forest floor or garden scene. In the center, there's a large white daisy with a yellow center. To its right is a large, vibrant red poppy. Various other flowers are scattered around, including blue and yellow ones. A small, light-colored bird is perched on a branch in the upper right. Another bird is visible in the upper left. A snake is coiled on the ground in the lower right. A small lizard is at the bottom center. The scene is filled with green foliage, including leaves and ferns. The overall tone is dark and moody, with a focus on naturalistic detail.

Александр Амурчик

**Женя, Женечка,
Женюсик.
Virtuoso**

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 7

Александр Амурчик

**Женя, Женечка, Женюсик.
Virtuoso. Цикл «Прутский
Декамерон». Книга 7**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Женя, Женечка, Женюсик. Virtuoso. Цикл «Прутский Декамерон».
Книга 7 / А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836188-3

Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга.

ISBN 978-5-44-836188-3

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Явление в ночи	6
Новелла вторая. Блюз	16
Новелла третья. Саша-Кошелек	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Женя, Женечка, Женюсик. Virtuoso
Цикл «Прутский Декамерон». Книга 7
Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-6188-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Явление в ночи

Коктейль «Театральный»

Коньяк 30 мл.

Ликер апельсиновый 50 мл.

Сок лимона 20 мл.

Шампанское полусухое 100 мл.

Положить в стакан лёд, добавить по очереди все ингредиенты, слегка перемешать и подать.

*Когда я не спешу залечь с девицей
себя я ощущаю с умилением
хранителем возвышенных традиций,
забытых торопливым поколением.
Игорь Губерман*

Часы, стоящие в витрине, нежным перезвоном пробили одиннадцать часов вечера, и я хозяйским взглядом оглядел помещение бара; у стойки, вытянутой в форме пенала почти на всю его длину, еще оставались около десятка клиентов – это были сплошь мужчины возрастом от 25 до 45 лет.

Они явно никуда не торопились: тех из них, кто был холост, дома никто не ожидал, за исключением, пожалуй, родителей, – эти мужики оставались в баре, все еще лелея, теперь уже в связи с поздним часом, весьма призрачную надежду встретить и «снять» здесь девушку или женщину, с которой можно было бы провести ночь; а женатые, я так подозреваю, просто не спешили домой, к своим, увы, опостылевшим женам.

Уменьшив громкость магнитофона, я обратился к своим клиентам:

– Дорогие друзья! Давайте попрощаемся, see you tomorrow, или, говоря по-русски, увидимся завтра.

Клиенты, вставая со своих мест и кивая мне на прощание, потянулись на выход, некоторые залпом допивали свои напитки, другие просто отставив стаканы в сторону. Один из них, долговязый, худощавый, скромно одетый парень, неторопливо прошелся вдоль стойки, словно разыскивая что-то забытое им и в то же время опасливо поглядывая на меня, затем, решившись, быстрыми движениями слил остатки напитков из нескольких стаканов в один, и, торопливо опрокинув его содержимое в себя, удалился.

«Надо же, да он же мой коллега почти, – усмехнулся я про себя. – Сделал „коктейль“ и тут же его выпил, толком не распробовав».

Вскоре вслед за всеми встал и последний клиент. Приблизившись на пьяных непослушных ногах, он поглядел на меня затуманенным взглядом и спросил:

– Шеф, сколько с меня?

– Всего два рубля, – бойко ответил я. – За последние 100 грамм.

Он вытянул из кармана пачку смятых купюр, непослушными пальцами выудил из нее трояк и прилепнул его ладошкой к стойке, громко сказав «Спасибо!». Я открыл кассу и положил на стойку перед ним рубль сдачи, по опыту зная, что «спасибо» далеко не всегда означает «сдачи не надо», но мой клиент, не обратив внимания на рубль, звучно икнул и, повернувшись, отправился на выход. Я вышел вслед за ним из-за стойки, чтобы запереть дверь.

Всё, мой рабочий день окончен. Что ж, в целом сегодняшний вечер прошел спокойно, под конец все мирно разошлись, и даже менты, которые в последнее время приобрели дурную

привычку приезжать к закрытию и вылавливать себе здесь клиентов для вытрезвителя, в этот вечер не появились, – нашли, видимо, более щедрую «кормушку» в другом месте.

Я, заметив эти ментовские штучки-дрючки еще пару месяцев тому назад, стал предупреждать об этом как своих постоянных клиентов, так и всех прочих – еще не хватало, чтобы репутация моего бара оказалась подмочена, и люди стали бы говорить, что бар не стоит посещать, а то потом, мол, в милицию угодишь.

Дверной замок-автомат щелкнул, закрывшись, и я, включив верхний свет, стал разглядывать открывшуюся мне картину, которая всего минутой раньше, в приглушенном освещении, казалась не столь критической. Да, картинка передо мной открылась неприглядная: на стойке царил вопиющий беспорядок: разнокалиберные стаканы, рюмки и фужеры, некоторые с торчащими из них соломинками, занимали почти всю ее поверхность, застыв в подтёках разноцветной жидкости – от светлой винной до черной кофейной; на столах, на стойке, а кое-где и на полу валялись обкусанные и обломанные конфеты и шоколадки, а также хлеб от бутербродов и остатки пирожных.

Такой кавардак у нас случался лишь тогда, когда я отпускал свою официантку-уборщицу Женю домой раньше времени. А почему, спрашивается, я отпустил ее сегодня пораньше? Да потому что мы с моим другом и коллегой Кондратом решили устроить себе после работы ночь отдыха в связи с окончанием напряженной трудовой недели. Для этого предполагалось «снять» девочек, которые могли бы скрасить нам этот вечер. Моя уборщица Женя на подобные мероприятия смотрит почему-то резко отрицательно, и очень даже легко может испортить любую задуманную нами «творческую» комбинацию: подойдет к девочкам, которых мы наметили на «съём» и скажет им как бы между прочим: «Идите домой», – хорошо еще, если при этом не добавит свою любимую приговорку – «блядилор», и те с перепугу уйдут, конечно; а я ведь в процессе работы могу и не заметить вмешательства Жени и предотвратить их уход.

Женя, конечно, отличная работница, мысленно улыбнулся я, но к женщинам, которые вертятся около меня, она относится весьма подозрительно, ревнует, наверное, словом, изо всех сил пытается блюсти мою порядочность. Она работает со мной всего около полугода, раньше трудилась здесь же в кафе подсобной рабочей. На правой руке у Жени не хватает двух пальцев – указательного и мизинца, поэтому далеко не всякую работу на кухне ей было легко выполнять – как-то: мыть огромные котлы и сковороды, таскать туда-сюда неподъемные трехведерные кастрюли или ворочать в холодильнике еще более тяжелые мороженые свиные полутуши. Вот она и попросилась в бар – тут работы было, возможно, не меньше, зато она была полегче, да и почище. Я, если честно, очень обрадовался такой помощнице: не так давно приехала из села, проста, уже и не молоденькая – ей далеко за 30, не замужем, детей нет, – для поздней работы такая работница просто находка. И внешне не красавица, скорее наоборот, – тоже немаловажный и весьма положительный фактор в нашей работе: у таких не возникает проблем с мужским контингентом, никто к ним не цепляется.

Возвращаясь к себе за стойку, я заметил валявшиеся на полу между металлическими ножками стульев-пуфиков цветные бумажки, похожие на конфетные фантики. Я нагнулся: это были, конечно же, не конфетные фантики, а те фантики, в которые играют взрослые, – деньги. Пальцы по привычке сложили по ранжиру и пересчитали наличность: 172 рубля.

Недурно, сумма немалая. И тут я вспомнил: мой последний клиент перед уходом держал в руках целую пачку денег, это он, видимо, после расчета со мной пронес их мимо кармана и выронил на пол.

Я вздохнул: жаль, конечно, что я нашел их не на улице, тогда бы с чистой совестью можно было бы их присвоить – ведь на улице они ничьи; правда, шансов их там найти в сто раз меньше, чем в баре. А так – надо будет этому лопуху их вернуть, если он за ними придет, конечно: потерянные или оставленные в баре деньги и вещи я никогда не считал своей собственностью.

Сложив выручку, скопившуюся за день, в стопку, и для порядка пересчитав, я запер деньги в сейф и стал собирать посуду, снося ее в мойку. Я уже заканчивал мыть стаканы, когда послышался стук в дверь, наш с Кондратом специальный, кодовый, который, правда, кроме нас двоих, знала также половина девиц нашего города: пам-парапампам-пампам. И только по четкой ритмике ударов музыканта-барабанщика, коим являлся мой друг, я всегда легко мог определить, когда в дверь стучит именно Кондрат. Я отщелкнул замок, и мой товарищ, а это, конечно же, был он, просунул свою веселую физиономию в проем двери, и, не входя внутрь, спросил:

– Ты один?

– Один, – ответил я и добавил с грустью: – К сожалению, совсем один.

– Давай-ка выбирайся на улицу, – сказал он, доставая из пачки «Мальборо» сигарету и прикуривая от зажигалки. – Сейчас из моего кабака целая толпа комсомолки пойдет, так что, очень возможно, выдернем кого-нибудь.

Кондрат работал так же, как и я, барменом, только его бар располагался в ресторане «Прут», а мой в здании кафе «Весна».

Я снял с вешалки куртку, на ходу включил тумблер сигнализации, но на пульт звонить не стал (девочки из охраны ровно в полночь сами возьмут объект под контроль), выщелкнул язычок замка на режим самозакрывания и вновь захлопнул дверь.

Улица встретила нас сырой прохладой и мелкими лужами на асфальте. Проведя последние 12 часов в баре, я и не заметил, что прошел дождь.

Запустил руку в карман Кондратовой куртки и нащупал пачку с сигаретами. И несмотря на его фырканье и показное возмущение, вытряхнул одну себе. Прикурил, и мы стали вместе наблюдать за движением народа по центральной улице города – Ленина. Вот показались первые группы молодежи – это шли комсомолки нашего города и района, проводившие теперь свои комсомольские вечера не где-нибудь, а в ресторане; минутой позже с ними перемешалась толпа их сверстников, высыпавших после танцев из дворца культуры, расположенного рядом с рестораном; вскоре улица представляла собой почти сплошной людской поток. Перед нашими глазами замелькали десятки девичьих лиц, свежих, веселых и симпатичных, а через пять минут у меня от такого обилия слегка закружилась голова.

Большинство из этих девчушек по барам еще не ходили, хотя через год-другой, чаще всего после окончания школы, многие из них попадут в этот круговорот – танцульки, мальчишки, а там уж, конечно, бары, пьянки, секс. Но сегодня они еще почти ничего не знали об этом: одни – еще слишком молоденькие, другие – хорошо воспитанные и идейно устойчивые, третьи – чрезмерно заумные, спящие пока что в обнимку лишь со своими куклами или же портфелями.

Минут через десять толпа стала заметно редеть, а нам по-прежнему ничего не светило – девушки, проходя мимо, словно не замечали двух молодых, симпатичных, изнывающих от скуки барменов, мечтающих о женской ласке.

Накануне вечером, где-то в районе пяти часов, ко мне в кафе зашла почтальон нашего района Зинаида. Не застав меня дома, она догадалась принести телеграмму, адресованную на мое имя, прямо на рабочее место в бар. Я ее, конечно, отблагодарил за находчивость, сунул в руку два рубля, затем разорвал бумажный конверт. Телеграмма была от мамы, которая вот уже несколько дней гостила у своей сестры Юлии в городе Тирасполе. Текст был такой:

«Дорогой Савва! Нашли тебе невесту. Ждем завтра Тирасполе. Мама».

Я сунул телеграмму в карман и задумался. Что еще за невесту они мне там вместе с сестрицей присмотрели? Честное слово, годы работы в баре основательно исчерпали мои запасы идеализма и оптимизма в отношении женщин, девушек и прочих дамочек. Наблюдая день за днем за людьми из-за стойки, начинаешь неплохо в них разбираться, а уж порочных женщин и шалопутных стерв я научился вычислять с первого взгляда. Насмотришься тут на них

и не захочешь никакой невесты. Хотя, конечно, когда-нибудь и для меня найдется подходящая женщина; вон ведь даже на львов – и то находится укротительница. К тому же, если уж быть с самим собой до конца честным, может, ты только прикидываешься львом, а на самом деле глупый теленок?

Вздохнув, я выразительно поглядел на Кондрата: пока что нами не интересовались ни порочные женщины, ни стервы, ни уж тем более порядочные девушки. Он же, словно не замечая моих косых взглядов, упорно вглядывался в лица проходящих мимо девиц. Наконец я не выдержал и сказал товарищу фразой из известного анекдота: «Я, братец, еще пять минут поб...дую, а потом домой пойду». А про себя подумал, что неприятно будет идти домой одному, никто меня ведь там не ждет, и ложиться придется в холодную неуютную постель... Погода еще бр-р-р – сырая и холодная, а утром рано вставать и пилить на автостанцию, чтобы потом трястись пять часов автобусом до Тирасполя. И чего ради? Ах да – ну, конечно же! – знакомиться с невестой. Мои губы непроизвольно растянулись в скептической усмешке.

Пока я размышлял обо всем этом, Кондрат шевельнулся, затем вдруг рванул с места, нырнул в толпу и мгновенно исчез из видимости, а минутой позже вернулся назад, ведя под руки двух худосочных «ковырялок». Одна из них была мне хорошо знакома – это была Танька, «девушка» без возраста, наркоманка со стажем, которая, помнится, еще лет пять тому назад уговаривала меня уколиться у нее в доме какой-то херней, и мне еле удалось тогда от нее избавиться. Они с мужем вот уже несколько лет постоянно варили у себя дома какие-то наркотические отвары и смеси. Потом муж от нее, говорят, сбежал, и жила она теперь в 2-комнатной квартире в самом центре города одна, нет... с сыном, да, точно, у нее есть сын лет четырех-пяти. Сейчас вместе с ней была какая-то телка, мне незнакомая, тощая, вульгарной внешности, на лице полкило дешевой косметики.

Кондрат, заметив, что я ее разглядываю, подтолкнул девицу ко мне.

– Эльвира, – произнесла незнакомка хриплым прокуренным голосом, протягивая руку и сдержанно улыбаясь.

– Савва, – ответил я, осторожно пожимая узкую ледяную ладошку. Эльвира тут же надула губки, наверное, оттого, что я не назвался Эдуардом, Вольдемаром, или хотя бы Леопольдом. Но Танька шепнула ей что-то на ухо, и улыбка вернулась на лицо Эльвиры, видимо, та объяснила ей, где и кем мы с Кондратом работаем. Судя по всему, Эльвира была «наш человек» – шлюшка низкого пошиба, а я девиц легкого поведения никогда особо не жаловал.

– Ну что, идем? – спросил Кондрат, незаметно толкая меня локтем в бок, – вот, Савва, девочки приглашают нас к себе в гости.

Мы знали, что у Татьяны есть своя квартира, и она периодически водит туда к себе мужчин.

– А что мы будем там делать? – наивно спросил я, неожиданно вспомнив, что сегодня кроме небольшого бутерброда, а затем пирожного с соком, перехваченных еще до обеда, ничего больше не ел, и от внезапного приступа голода у меня противно заныло в желудке. А у Таньки дома, как я помнил, и в лучшие времена трудно было даже куском хлеба разжиться.

Девицы нетерпеливо перебирали ногами на месте, и я, решившись, сказал:

– Ну ладно, пойдем! – И тихо, Кондрату: – Если твои телки попробуют пудрить нам мозги, я им устрою такие гонки по квартире, что им придется о своем поведении пожалеть, пусть имеют это в виду.

Кондрат сардонически рассмеялся, он знал, что означают мои слова: несговорчивым и своенравным «подругам» я мог – под хорошее настроение – в течение нескольких минут нагнать такого ужаса, что они немедленно становились сговорчивыми и согласными на все, что угодно. Помнится, как-то раз две такие же телки в наказание за строптивость ездили по квартире голышом на тарелках, то есть ладонями и коленями они стояли в тарелках, а я и Кондрат их толкали ногами в зад, заставляя ездить наперегонки... Нет-нет, мы не садисты, это мы так

шутим. Но если девушки совершеннолетние и приглашают нас к себе домой, или же идут к нам ночью в гости, то оказавшись на месте, мы шуточек не принимаем, а даем понять, что настало время для интима. Конечно, бывают исключения, особенно когда попадаетесь великовозрастная дурствующая девственница или же реально сумасшедшая.

Вчетвером мы двинулись по улице Ленина, в сторону райкома партии. Через два квартала нам следовало свернуть направо, на улицу Комсомольскую, где сразу за зданием МБТИ в 16-квартирной двухэтажке жила Татьяна.

Однако не успели мы сделать и десятка шагов, как наперерез нам из бокового переулочка выскочил Саша Паниковский – ресторанный музыкант и наш давний приятель.

– Привет всем! – сказал он громко, мгновенно обежав взглядом нашу компашку, затем шепотом, обращаясь ко мне: – Савва, дай мне ключ от твоей квартиры. Ты, как я вижу, идешь на хату к Таньке?

– А если меня там не примут, что тогда? – спросил я.

– Да кто ж тебя посмеет не принять? – сказал он, широко улыбнувшись, и краешки его светлых пшеничных усов щеголевато приподнялись. И добавил: – А если не примут, я тебя приму. – Он коротко хохотнул.

Я вытащил из кармана связку ключей и отделил уже, было, от нее ключ от квартиры, как вдруг Танька остановилась, повернулась к нам и пьяным голосом прогундосила:

– А кто из вас будет меня сегодня трахать?

Все в растерянности уставились на нее.

– Тьфу, как грубо, – не сдержался я.

– А кого бы ты хотела, Танечка? – вежливо спросил Кондрат, подталкивая меня локтем, чтобы я заткнулся.

Танька оглядела нас мутным взором:

– Только не ты, – ткнула она сухим безжизненным пальцем в мою сторону.

Ее палец продолжил движение и остановился на Паниковском:

– Ты.

– Таня, ты же знаешь, что я не по этому делу, – скривившись, словно от зубной боли, сказал Саша. Он, продолжая протягивать руку за ключом, нетерпеливо месил ботинками грязевую жижицу на асфальте. Судя по всему, где-то поблизости его дожидалась подруга.

– Нет, ты! – с пьяной настойчивостью повторила Татьяна и, теряя устойчивость, потянулась к нему обеими руками.

– Вот так-то, брат, – сказал я Паниковскому. – Соглашайся и не капризничай, видишь ведь, дама просит. Отдавай нам свою девочку, а сам иди с Таней.

Паниковский сплюнул себе под ноги, сказал: «Да ну вас всех на хрен», в сердцах махнул рукой и, не сказав больше ни слова, пошагал прочь. Не обращая больше внимания на Танькины мансы, я негромко спросил Эльвиру:

– А ты не хочешь, пупсик, пойти вместе с нами в другое место?

Эльвира в растерянности развела руками, как бы говоря этим: «Вы же сами видите, я ничего тут не решаю». Сочтя разговор законченным, я повернулся к девушкам спиной и медленно пошагал в сторону кинотеатра, оставив Кондрату удовольствие прощания с девицами.

И уже на ходу услышал, как он сказал почти ласково:

– Таня, а не пошла бы ты на фуй со своими заявами, коза драная!

Хорошо еще, что он не вкатил ей пощечину, подумал я.

Кондрат нагнал меня уже у кинотеатра и тут внезапно, из темноты навстречу нам вынырнули две стройные девичьи фигурки.

Какая неожиданная встреча – Ольга и Ленца!

Девушки остановились прямо перед нами и скромно, почти в унисон поздоровались:

– Добрый вечер!

– И вам вечер добрый, девчонки!

Надо же, какая удача, подумал я, на ловца и зверь бежит! Это были наши недавние, хотя, правда, на сегодняшний день уже бывшие «боевые» подруги, «проверенные и закаленные» – как говорит в таких случаях Кондрат. Мы совсем недавно несколько недель кряду провели вместе, вчетвером – день в день, ночь в ночь, почти не разлучаясь.

Я с удовольствием разглядывал девушек – обе они были весьма хорошенькие, и с каждой из них меня связывали приятные, можно сказать незабываемые воспоминания.

К сожалению, я не зря сказал это слово: «бывшие» подруги. Девушки некоторое время назад были «уволены» Кондратом из рядов наших пассий, так как по ряду обстоятельств стали для нас опасны. Я, по характеру «добрый малый», в этот вечер мог бы сделать девушкам, да и себе заодно, послабление – партнершами они, что и говорить, были великолепными. Но я недооценил Кондрата, и теперь, при первом же взгляде на своего товарища, понял всю бесплодность своих надежд. Он поочередно критически оглядел девушек, затем окинул меня долгим ледяным взглядом, и я осознал, что нам сегодня не светит: мы обычно не возвращаемся к «былым возлюбленным», как сказано в одном известном стихотворении; и Кондрат, а я знал это наверняка, не позволит нарушить этот принцип.

Но у девчонок на этот счет было, видимо, свое мнение, и вот они стоят и молча с надеждой смотрят на нас – две улыбающиеся, милые, я бы даже сказал, родные мне мордашки.

Ольга глядит укоризненно и одновременно снисходительно, еле заметно качая при этом чуть склоненной головой. Ленца – девушка менее изощренная в женских чарах, взгляд у нее чистый, улыбка непосредственная; при этом обе девушки – что и говорить – просто замечательно хороши. Я не мог не улыбнуться им в ответ, и – слово за слово – у нас завязалась дружеская пикировка из шуток и коротких реплик. Я действительно был рад их видеть, они были гораздо лучше и много чище во всех отношениях той же самой Таньки, на которой уже негде было пробы ставить, и которая сегодня разговаривала с нами, словно последняя профура.

Девчонкам почти по восемнадцать, до совершеннолетия каждой из них оставались считанные недели, а может и дни. Очаровашки! Чудесный возраст!

С Ольгой у меня была целая любовная история, завершившаяся, к сожалению, нелепым взаимным раздором с последовавшей затем обоюдной изменой, а потом она, в поисках путей восстановления отношений между нами, по своей наивности привела в нашу компанию Елену – Ленцу, с которой мы мгновенно вспыхнули друг к другу страстью. И это мое увлечение также закончилось неожиданной изменой: Елена переспала с Кондратом, мотивируя этот поступок тем, что только таким способом она сможет вырвать меня из своего сердца, так как у наших отношений не было будущего.

И вот сегодня мы, все действующие лица этой совсем недавней трагикомедии, столкнулись вместе, лоб в лоб, и девушки, вероятно, вознадеялись на возобновление отношений.

Ольга, как более смелая, подошла ко мне почти вплотную и прошептала:

– Савва, возьмите нас с собой!

Ее огромные карие глаза смотрели на меня умоляюще.

– Хорошо, – мой голос дрогнул под тяжелым взглядом Кондрата. – Ты, Ольга, знаешь, где нас найти. Мы будем ждать вас у меня на квартире. Через час. – Я обнял обеих девушек за плечи и с видом заговорщика отвел их в сторону: – А пока идите, прогуляйтесь немного, у нас тут намечается важная встреча, но это буквально на полчаса.

И я подтолкнул их, дружески хлопнув обеих на прощание чуть пониже спины. Девушки ушли, как мне показалось, несколько обиженными. Кондрат, когда я вернулся к нему, вытаращился на меня удивленно, но я сделал непроницаемое лицо, затем помахал медленно удалявшимся и все еще продолжающим оборачиваться вслед нам девчонкам, после чего решительным шагом двинулся в сторону дома.

Кондрат нагнал меня уже через несколько шагов:

– Ну и зачем ты их пригласил, Савва? Ты же знаешь, да и все кругом говорят, что они теперь меняют партнеров чуть ли не каждый день.

– Я их не пригласил, ты же сам прекрасно все слышал, – досадливо хмурясь, ответил я. – Я им вежливо отказал. За этот час или мы кого-нибудь снимем, или их кто-то перехватит, и шансов что они придут, очень и очень немного.

Он кивнул задумчиво и предложил мне трубку мира, то есть достал из пачки две сигареты, одну из которых протянул мне.

Вообще-то Кондрат был как всегда прав: в житейских вопросах он всегда был трезвее меня, и я зачастую соглашался с его мнением, несмотря на то, что он был на семь лет младше. Он был прав, когда говорил о том, что рвать отношения с девушками, если есть в том необходимость, надо немедленно, раз и навсегда, а не рассусоливать, дожидаясь, когда те начнут строить на твой счет какие-либо далеко идущие планы. Потому что тогда возникают ситуации, в результате которых можно нарваться на серьезные проблемы, а то и на крупные неприятности, это первый пункт. Под вторым пунктом подразумеваются безответственные интимные отношения. Ну кто, скажите, виноват, что девицы, которые нравятся тебе, в то же самое время нравятся и другим парням, и в лихорадке и почти ежедневной чехарде всеобщего бл...ва ты порой не успеваешь разглядеть за своей очередной партнершей человека и женщину, а потом долго не можешь разобраться в своих чувствах, а когда наконец разобрался, вдруг оказывается, что девушка, которая тебе приглянулась, переспала уже со всеми твоими друзьями, причем ты сам порой вольно или невольно содействовал этому, и продолжать с ней отношения уже не только бессмысленно, но и просто опасно для здоровья.

Вот что у меня произошло конкретно с Ольгой; с Еленой, надо признать, все обстояло несколько по-другому.

Поддерживая вялую беседу, мы с Кондратом прошли еще пару кварталов, и тут нам навстречу из темноты вновь вынырнул Паниковский.

– Опять ты? – удивился я, и мы с Кондратом уставились на него.

– Ребята, ну дайте мне ключ от квартиры, – взмолился наш товарищ.

– А я что, по-твоему, всю ночь буду тебя на улице пережидать? – удивился я. – Давай, Сашка, не жадничай, я приглашаю вас с дамочкой в дом, и ты выставляешь ее на троих.

– Да неудобно как-то, – промямлил Паниковский, – первый вечер с ней, она приезжая. Ведь совсем не знаю ее.

– Так спроси ее, объясни ситуацию, – дурачась, продолжал я. – Берется обслужить трио молочных братьев – возьмем на квартиру, нет – скажи, что вам придется этой ночью в парке ночевать.

Паниковский хмыкнул досадливо, ничего не ответил и опять скрылся в ночи – надеюсь, теперь уже насовсем.

– Ну, что, Винегрет Абрикосович? – обратился я к своему товарищу, который за годы нашего общения привык к тому, что в зависимости от настроения я даю ему каждый раз новые имена. – Дрочи, пролетели? (По созвучию с названием картины Саврасова «Грачи прилетели», да простит меня за каламбур этот великий художник, не имеющий, естественно, к нашему повествованию никакого отношения).

– Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше спи один, чем вместе с кем попало, – неожиданно для меня разразился рифмой Кондрат, перефразируя Омара Хайяма и при этом наставительно подняв указательный палец. Это выражение подытожило наши сегодняшние искания, я крикнул одобрительно, и в этот момент мы как раз вошли в подъезд моего дома. Любопытно, что лестницы в нашем доме вместо обычных, стандартных 10 ступеней в одном пролете насчитывают 11, что очень удобно при подъеме и спуске. И хотя свет горел только на одном из четырех – третьем этаже, мы без труда добрались до нужного нам четвертого. Лестничные площадки, к моему удивлению, сегодня были пусты, обычно же на каждом этаже

у окна или у дверей жметя в темноте парочка. Или я просто старею и не заметил, как миновали времена, когда молодежь лампочки в подъездах буквально «поедала», ну совсем как в том анекдоте: «...Вась, – сказал женский голос, – выкрути лампочку, я в рот возьму».

Крутанув ключом в замке, я открыл дверь, и мы вошли в квартиру. Пока я возился в прихожей, расшнуровывая и снимая ботинки, Кондрат скинул кроссовки, переобулся в мои тапки, прошел на кухню и поставил на газовую плиту чайник.

– Форточку открой, – крикнул я ему, – а то газом будет пахнуть.

– А она открыта, – сказал он мне, высовываясь из кухни в прихожую.

«Странно, я ее вроде закрывал перед уходом, чтобы не выстудить квартиру», – подумал я, присоединяясь к своему товарищу. Кондрат налил из заварного чайничка в две кружки заварки, долил кипятком, а я принялся намазывать хлеб маслом.

Незамысловато ужиная, мы вспоминали все перипетии сегодняшнего вечера, а также последних дней и негромко хихикали, нисколько не огорчаясь тем фактом, что сегодня у нас с женским полом вышел облом. «Да, кстати, а ведь час еще не прошел, – мелькнула у меня мысль и затрепетала надеждой, – так что девчонки вполне могут подойти».

– Может, надо было треснуть Таньке по башке, чтоб не грубила? – запоздало предложил Кондрат, аппетитно прихлебывая из кружки.

– Если бы она от этого стала хоть чуточку симпатичнее или умнее, я бы с удовольствием врезал ей пару раз, – вставил я. – А так чучелом была, чучелом и останется. Я думаю, завтра она и не вспомнит, что наболтала нам сегодня вечером.

– И то правда! – согласился Кондрат. Он встал, сполоснул под краном посуду, и мы перешли в зал. Моя постель, разложенная на диване, была не убрана с прошлой ночи, только прикрыта покрывалом. На часах без четверти час. Все нормальные люди уже давно спали, и лишь теперь, опустившись на диван, я почувствовал, как устал за последние дни. Усталость и недосып накапливались целую неделю, а за ежедневным 12-часовым трудом (а зачастую и за еженощными приключениями) отдыхать было совершенно некогда.

– Как ты думаешь, – сонный, уже едва ворочая языком, спросил я. – Девки еще могут прийти?

– Вряд ли, – ответил Кондрат. – Так как договорное время вышло. Наверное, их кто-то снял, – закончил он равнодушно и зевнул. Я быстро разделся, так как в квартире было довольно прохладно, и нырнул под одеяло. Кондрат взбил вторую подушку и полез на диван рядом со мной, укрываясь тяжелым теплым покрывалом. Он мог, конечно, пойти в другую комнату, мамину спальню, где стояла кушетка, но заявил, что ему там одному будет скучно. Я же лично, все равно как и с кем бы ни ложился, в конце концов всегда оказываюсь в щели между диваном и стеной, занимая, таким образом, совсем немного места.

Я уже почти засыпал, когда Кондрат спросил меня о чем-то, я ответил ему, это вышло смешно, отчего мы оба заржали, потом он вновь ляпнул что-то, и мы засмеялись еще громче. Пять минут спустя, вместо того чтобы спать, мы уже хохотали во весь голос: то один, то другой произносил следующую хохму, и мы заливались веселым смехом. Мы хохотали, ржали, выли и скулили, – это, наверное, была разрядка после сумасшедшей недели, реакция на перенапряжение, потому что этот истерический смех нормальным назвать было нельзя. Когда очередная вспышка хохота затихла, и диван перестал колыхаться от сотрясения наших тел, мы вдруг услышали отчетливый стук.

– Вставай, Кондрат, – радуясь тому, что мой товарищ лежит с краю, сказал я. – Иди, открой девчонкам.

– Итить твою мать, – сказал Кондрат, с неудовольствием вылезая из теплой постели. – И где их, сучек, до сих пор носило, ведь начало второго уже.

Он выскользнул в прихожую, затем послышался щелчок наружного замка.

Спустя четверть минуты он заглянул в зал, и я включил торшер, рожа его выражала недоумение:

– Там никого нет, – воскликнул он.

– А кто же тогда стучал? – удивился я. – Это они, стервы, постучали, – уверенно добавил я, – а потом спустились этажом ниже и теперь играют с нами в кошки-мышки. Иди и скажи им, чтобы не баловались, а то в качестве наказания заставим по квартире передвигаться исключительно на карачках и гольшом.

Голова Кондрата исчезла, затем из коридора послышался его голос:

– А ну быстро поднялись в хату, мать вашу, уже поздно шуточки шутить.

Вытянувшись под теплым одеялом, я ждал, чтобы эта мудотня поскорее закончилась, дверь закрылась, и в комнату вошли девчонки. И тогда передо мной откроется дилемма: кого из них уложить в свою постель – Ленцу или Олыцу. Наконец послышался щелчок замка и в комнату вошел... Кондрат. Он был один.

– Нет никого, – заявил он.

– А с кем же ты разговаривал?

– В пустоту кричал, – усмехнулся он.

– Странно, видимо смылись, – пробормотал я. – Ну, и хер с ними. – Я повернулся к стене. – Будем спать.

Кондрат улегся, намотав на свои длинные ноги покрывало, и мы вслух стали перебирать кары, которые обрушим на головы Оли и Лены, как только доберемся до них. Перебрав вслух несколько вариантов, один суровее другого, мы наконец успокоились, но сон уже не шел.

И тут опять послышался довольно громкий стук.

– Иди, Кондрат, – сказал я. – Только случайно не спугни их. Дай им вначале войти, и тогда мы начнем проводить экзекуцию.

Он соскочил с дивана и крадущейся походкой направился к дверям. Затем я услышал щелчок. Когда же мой товарищ спустя минуту вернулся, на его лице было написано крайнее изумление.

– Больше не пойду, – заявил он громко. – Сам иди с ними разбирайся.

В это время опять постучали.

– Уж я-то им, поверь, души-то повыну, мать-перемать! – Я вскочил, остатки моего терпения слетели с меня вместе со сброшенным на пол одеялом.

Я бросился к двери, мгновение – и я распахнул ее настежь.

Никого. Я перегнулся через перила и, стоя босиком на ледяных ступенях, заорал на весь подъезд:

– Поймаю, письки наизнанку выверну. А ну, мочалки, бегом сюда!

Мой голос эхом заметался по лестничным пролетам. Ни шороха внизу, ни шепота, никто не вышел, никто мне не ответил. Весьма этим озадаченный, я вернулся в квартиру и с силой хлопнул дверью. Прошел в комнату. Несколько секунд мы с Кондратом, уставившись друг на друга, хлопали глазами, ничего не понимая.

– Ну, не ерш твою мать? – в сердцах воскликнул я, и вдруг, в это самое мгновение дверь в спальню, которая до сих пор была закрыта, прямо на наших глазах стала медленно открываться. Мы с Кондратом, в состоянии, близком к обмороку, оторопело уставились на нее.

– Да, ерш твою мать, – сказала дверь маминым голосом, а затем перед нами предстала и сама мама в белой ночной рубашке.

О, Господи! Если бы из той комнаты к нам сейчас вышла, ну, хотя бы, скажем, тень отца Гамлета, я бы удивился не больше.

– Мама?! – выдавил я из себя. – Ма-ма!

Кондрат приподнялся и сел на диване.

– Ага... мама, – произнес он растерянно.

– Да мама я, мама! – раздраженно сказала моя мама, – только объясните, какого черта вы мне спать не даете?

После секундной растерянности мы с Кондратом расхохотались во весь голос.

– Я стучу вам, стучу, чтобы вы успокоились, – продолжала мама. – А вы все хохочете, дверями хлопаете и спать мне мешаете.

– Откуда же ты тут взялась, мама?! – еле справившись с собой, спросил я. – Ведь ты в Тирасполе, и еще, кстати, вызвала меня туда на завтра. Вернее, уже на сегодня.

– Так уж получилось, – сказала мама, тяжело вздохнув. – Я погавкалась с сестрой уже после того, как дала тебе телеграмму, и тут же собравшись, уехала от нее, так что еще успела на междугородний автобус. А теперь давайте спать, вы, жеребцы, – закончила она и поглядела на часы. – Два часа ночи.

С этими словами она удалилась в спальню и закрыла за собой дверь. Мы с Кондратом, поглядев друг на друга, хохотнули, на этот раз уже сдерживаясь, еле слышно, затем улеглись на свои места.

Я повернулся к стене и закрыл глаза, а Кондрат выключил торшер.

И в этот самый момент вновь послышался стук. Кондрат включил торшер и стал его внимательно разглядывать, решив, видимо, что стук как-то связан именно с ним, я же в очередной раз вылез из постели.

– Ты что-то хотела, мама? – спросил я, осторожно приоткрывая дверь в спальню.

– Нет же, леший тебя возьми, спи давай! – ответила мама сонным и сердитым голосом.

– Так это не ты стучала сейчас? – спросил я.

– Нет, конечно, ты с ума сошел!

«Возможно, она и права», – подумал я, аккуратно прикрывая дверь в ее комнату и направляясь к входной двери. Рывком открыв ее, я оказался лицом к лицу с... Сашей Паниковским. Лицо его было синим от холода, а недавно еще франтоватые усы покрылись инеем и скорбно повисли. К нему сбоку жалась какая-то незнакомая мне худощавая девчонка лет 17—18, одетая в легкую болоньевую куртку.

– Она согласна, – сказал Паниковский, подталкивая свою девчонку перед собой к двери.

– С чем согласна? – не понял я, удивленно поглядев на девушку.

– Она согласна, что нас будет трое, – нетерпеливо повторил Паниковский. – Только давай, поскореепусти нас, а то мы совсем уже тут замерзли.

Я беззвучно засмеялся и отрицательно покачал головой:

– Не могу, мама дома.

У Паниковского от этих слов широко раскрылись глаза. Всего несколько часов назад я рассказал ему, что мама в Тирасполе, что она нашла мне там невесту и ждет меня туда на завтра.

– Мы посидим тихонько на кухне и не будем вам мешать, – сказал он, думая, что я чего-то не договариваю, и что мы в квартире находимся с девушками (вариант с мамой он не принял).

– Ребята, давайте жить дружно! – почти плачущим голосом сказал я. – А теперь спокойной ночи, see you tomorrow, увидимся завтра.

С этими словами я закрыл дверь.

Часы на стене показывали четверть третьего.

Новелла вторая. Блюз

Коктейль

Коньяк 50 мл.

Апельсиновый сок 40 мл.

Лимонный сироп 10 мл.

Положить в бокал лёд, добавить ингредиенты, слегка перемешать, подать с соломинкой.

В любые века и эпохи

покой на земле или битва,

любви раскаленные вздохи — нужнейшая Богу молитва

Игорь Губерман

Эту девочку я увидел впервые в тот самый день, когда вновь, после почти трехлетнего перерыва устроился работать в бар: она пришла к открытию, первой сделала заказ, после чего просидела у стойки со стаканом сока в руке чуть ли не до самого закрытия. Хотя мне и сложно было в первый-то день и работать, и наблюдать за клиентами в баре, я изредка бросал на неё взгляд, и моё сердце наполнялось радостью, что существуют в этом мире такие милые хорошенькие девушки. Позднее, спустя несколько месяцев, мы в дружеском разговоре с ней выяснили, что это оказалось простым совпадением: я вновь стал работать в баре кафе «Весна», а Валентина – так звали девушку, которая несколько месяцев тому назад приехала в наш город и поступила в медицинское училище, – в тот самый день решила впервые в своей жизни посетить бар.

Затем она стала приходить в мой бар с регулярностью примерно раз или два в неделю – по ее же собственным словам, слушать музыку, пить экзотические цитрусовые соки, которые ни в каком другом месте невозможно было найти в продаже, и таким образом, как я теперь понимаю, наслаждаться самостоятельностью, свободой и взрослостью.

Юная стройная 17-летняя девчушка-дюймовочка – росту в ней было ровно метр пятьдесят – с короткой, до плеч стрижкой золотисто-рыжих, слегка волнистых волос. Лицо круглое, ангельски-наивное, носик небольшой, пухленькие губки нежно-кораллового цвета в форме сердечка, розовые щеки с ямочками, огромные зеленые глаза и в дополнение к этому – абсолютно невинное выражение лица. Ну, не девушка даже, а просто большой ребенок.

Внешне ее нельзя было спутать ни с кем; вернее, она так сильно отличалась от окружающих, что более подходящего лица, например, на роль инопланетянки, если бы это понадобилось, найти было нельзя. Поведение Валентины лишь подтверждало впечатление, что девушка слегка не от мира сего: она приходила в бар одна, ее привлекательное лицо всегда было маловыразительно и неулыбчиво, и при этом еще немного насторожено. Ловя на ходу мой взгляд и едва слышно здороваясь, она проходила в укромный закуток, образованный углом стойки и стеной бара, взбиралась на высокий пуфик, едва там помещавшийся, и, оставшись там наедине с собой, надолго замирала.

Валентина никогда со мной не заговаривала первой, просто заказывала и затем медленно цедила через соломинку сок, сидела так час, порой два, глаза полузакрыты – очевидно, она была погружена в собственные раздумья или же слушала музыку. И лишь изредка, когда я был чем-то занят, она бросала на меня быстрый внимательный взгляд, но тут же опускала глаза, если замечала мой ответный взгляд. Расплатившись, она также молча уходила, прощаясь со мной еле заметным кивком.

В первый раз, помнится, она заказала апельсиновый сок, и в последующие посещения свой заказ почти не меняла, причем приходила только в будние дни, когда в баре не было слишком много посетителей. Я даже специально, когда не предвиделось больше поставок, оставил для нее на складе ящик апельсинового сока и никому, кроме нее, этот сок не наливал, но и он в один прекрасный день закончился. В очередной раз, когда она пришла и попросила апельсиновый сок, я извинился и предложил ей любой другой сок – на выбор, а в качестве компенсации – морального ущерба, так сказать, – налил рюмочку апельсинового ликера, сказав с улыбкой: «Вы позволите мне вас угостить?».

Она кивнула и впервые мне тогда улыбнулась, и я отметил для себя, что даже улыбка у нее необыкновенная и очень ей к лицу. Ее всегдашнее молчание я относил к проявлению скромности, поэтому никогда не решался заговаривать с ней первым, боясь нарушить тот наш с ней безмолвный диалог глазами, который мы вели вот уже несколько месяцев подряд; казалось, скажи я одно лишнее слово, и она, эта девочка из сказки, улетит как облачко, испарится, и я никогда ее больше не увижу. А я уже привык к ней, к ее посещениям, мне, признаться, было приятно ее видеть, а когда она больше недели не появлялась в баре, я ждал ее уже с нетерпением и даже начинал беспокоиться, считая ее своим счастливым талисманом, так как она была моей самой первой клиенткой.

В тот вечер, когда я налил ей ликер, она попросила к нему стакан яблочного сока. Не знаю, что она тогда думала обо мне, и думала ли вообще, но уже тогда я почему-то был уверен, что у наших с ней отношений, о которых тогда я еще и не мечтал, есть будущее, вернее, каким-то образом я предчувствовал это. Как-то раз, в один из долгих и скучных зимних вечеров, когда она сидела в своем излюбленном закутке – тогда, помнится, она ничего не заказала, а просто сидела и слушала музыку, мягко улыбаясь каким-то своим мыслям, я, ни о чем ее не спрашивая, поставил перед девушкой чашечку кофе и маленькую, величиной в наперсток, рюмку рижского бальзама – по своему вкусу. Она поблагодарила меня улыбкой, и тогда я решился спросить ее, что она заказывает в те дни, когда в баре работает мой напарник Женя.

– Я прихожу сюда только в те дни, когда работаешь ты, – просто ответила она.

Надо ли говорить, насколько приятны мне были эти слова; никакого смысла в них я не искал, решив, пусть наши отношения развиваются и дальше вот так же, неторопливо, естественным путем.

Так как Валентина всегда приходила в бар одна, изредка возникали ситуации, когда кто-то из клиентов подходил пригласить ее на танец или просто заговаривал с ней, – такая хорошенькая девушка, естественно, не могла остаться без внимания со стороны парней и мужчин. Постоянные клиенты не беспокоили ее, часто встречая здесь Валентину, они считали, что она моя девушка, и этого им было достаточно. Когда же подходил кто-либо из непостоянных посетителей, я, зная, что она не танцует, с улыбкой говорил им об этом, а некоторым, менее настырным, для того чтобы понять, что им тут ничего не светит, хватало и одного моего строгого взгляда.

Прошло уже что-то около года со дня нашего знакомства, когда произошел один неприятный инцидент, который, впрочем, сдвинул наши с Валентиной отношения с мертвой точки, а затем и вовсе сблизил нас.

Обычно она приходила в бар еще засветло, а уходила, когда на улице было уже темно. Так произошло и в тот раз: около половины десятого вечера она встала, кивнула мне на прощание и покинула бар.

Однако буквально через несколько секунд после ее ухода я услышал чей-то сдавленный крик, донесшийся с улицы, и тут же выскочил наружу, предполагая, вернее, даже будучи уверен, что это именно ее голос. И действительно, неподалеку от бара в свете уличных фонарей я увидел Валентину, бьющуюся в руках какого-то подонка, который ее куда-то тащил. В одно мгновение ярость вскипела во мне, и я крикнул, бросаясь за ними вдогонку:

– Эй, парниша, ну-ка погоди минутку!

Однако парень, не обратив никакого внимания на мои слова, вывернув девушке руку за спину, поволок ее к машине, до открытой дверцы которой оставалось пройти несколько шагов. Приблизившись к ним в несколько быстрых шагов, я узнал в этом парне записного городского хулигана по имени Сережа.

– Че тебе надо, ты, фуфел? – рявкнул он, не сбавляя хода, хотя прекрасно видел и слышал, кто его зовет, так как находился в этот момент ко мне лицом.

«Очень невежливо – по меньшей мере» – пронеслось у меня в голове. Несмотря на то, что его действия по отношению к девушке мгновенно пробудили во мне бешенство, я не терял хладнокровия, мозг работал быстро и четко.

– Мне кажется, этой девушке с тобой не по пути! – приблизившись к ним, выдохнул я ему прямо в лицо.

– А тебе какое дело? – опять нахамил Сережа, повышая голос.

– Ты со мной некрасиво разговариваешь, а с девушкой некрасиво поступаешь, – сказал я, стараясь сдержаться и не выплеснуть наружу бурлящие во мне эмоции. – Однако я тебе все это прощаю: отпусти ее по-хорошему и сваливай отсюда, тогда будем считать, что ничего не было.

Однако Сергей, у которого на этот счет были свои умозаключения, подтолкнул девушку к машине, а сам стал, повернувшись ко мне, в некое подобие боксерской стойки. В следующую секунду из машины, с водительского места, вылез младший брат Сергея – Василий, который вразвалочку направился к нам. Сергей, почувствовав в его лице поддержку, осмелел и подступил ко мне:

– Что ты возомнил о себе, Савва, тебе, значит, можно трахать кого тебе захочется, а нам нет?

– Если она не хочет идти с тобой, о каких таких траханиях вообще может идти речь, – усмехнулся я. И, обращаясь к Валентине, сказал строго:

– Я прошу тебя, вернись, пожалуйста, в бар.

Сережа тем временем широко, по-крестьянски, замахнулся, – я стоял к нему вполоборота, – и ударил в... пустоту, так как я, конечно, предполагал, что от этого хулигана можно ожидать любой подлости, и все время держал его в поле зрения. Я попросту отшатнулся в сторону, а когда он после неудачного выпада сумел-таки восстановить равновесие и выпрямиться, я шагнул ему навстречу и зарядил по челюсти наотмашь открытой ладонью слева. От этого удара он упал на асфальт, как сноп сена. Я не стал бы, может быть, этого делать – так сильно бить, но на его месте передо мной тут же вырос второй брат, который сложением был помощнее, но тоже молодой и горячий. Василий – брата же бьют! – шагнул вперед, в его руке щелкнул выкидной нож. Я поневоле отступил на пару шагов назад, так как дело принимало нешуточный оборот.

К месту драки уже приближались прохожие и зеваки, даже из бара выскочили несколько человек и направились к нам – естественно, ведь там, где ссорятся и дерутся, всегда интересно, есть на что поглазеть. Валентина, проигнорировав мою просьбу уйти, тоже находилась среди зрителей – я видел, как ярким пятном выделяется ее красная куртка среди темных одежд окружающих.

Василий не торопился, собираясь, судя по всему, поугарить меня при всех и унижить, надеясь, что я побоюсь ножа, или же он ждал, когда с земли поднимется его брат. Не подходя близко, он сделал несколько неопасных выпадов, на которые я никак не прореагировал, и тогда он решил, видимо, что я не понимаю всей серьезности момента, и дико завизжал:

– Пошел вон, падла, а то я тебя сейчас урою, зарежу как свинью.

– Спрячь ножик, сопляк, – сказал я ему миролюбиво, покачивая головой из стороны в сторону, словно читая мораль маленькому мальчику, – не то отберу и засуну его тебе в задницу.

Вася опять завизжал, на этот раз, думаю, чтобы приободрить себя, и, замахиваясь ножом, шагнул вперед, – в толпе вскрикнула какая-то девушка, возможно, это была Валентина. Между нами оставалось не больше метра, когда я, выхватив из-за пояса нунчаку, резким взмахом ударил Василия по руке, державшей нож, и сразу же, пустив нунчаку оборотом, лупанул его два-три раза по голове. Нож упал на землю, Василий, согнувшись от боли, схватился за пострадавшую руку; за ушибленную голову ему хвататься было уже нечем, и он так и остался стоять, лишь немо, как рыба, открывая рот.

Кучка зрителей вздрогнула и расступилась, кто-то ойкнул, и в образовавшийся между ними проход ворвался Сергей, до сих пор мирно лежавший на том месте, где я его вырубил. Я наклонился, подобрал с земли нож и шагнул ему навстречу. Сергей остановился и, защищаясь, вытянул руки перед собой – двигался он в эту минуту медленно и еще медленнее, вероятно, соображал, видимо, еще не окончательно придя в себя после нокдауна. Я сунул нунчаку обратно за пояс, а нож в карман, затем нехитрым обманным движением поймал кисть Сергея на болевой прием из боевого самбо, заломил руку так, что он вскрикнул и, подавшись вперед, упал на колени.

– Не крути больше девочкам руки, а то я тебе в следующий раз откручу кое-что посущественнее.

С этими словами я отпустил его руку, он, вставая, резко метнулся в сторону, но, не удержавшись на ногах, споткнулся и упал, отчего зрители засмеялись, загигикали, освистывая его, я же, сочтя инцидент исчерпанным, быстрым шагом направился в бар.

У стойки к этому времени собралась целая очередь из клиентов; некоторые, уже начиная раздражаться, громко требовали бармена, другие, видевшие все происходившее на улице, живо обсуждали все нюансы драки и указывали на меня пальцем. Я шмыгнул в подсобку, вымыл руки, вернулся на рабочее место и теперь только заметил Валентину: она стояла у стойки, лицо ее было искажено гримасой то ли страха, то ли отвращения, девушку всю колотило. Я сказал ее одними губами: «Зайди», она поняла меня, открыла дверцу, прошла за стойку и скрылась в подсобке. Там она могла переждать какое-то время, успокоиться, умыться и привести себя в порядок, что она, собственно, и сделала. Я работал и слышал, как она в подсобке за моей спиной плещет водой в умывальнике; я специально пока не входил, давая ей возможность побыть одной, прийти в себя, а когда мне все же пришлось войти, первое, что я увидел, это были ее огромные заплаканные глаза. Всклипнув, она потянулась, шагнула мне навстречу, и я обнял ее со словами: «Ну-ну, все уже закончилось, девочка моя, теперь все будет хорошо!» И она застыла, прижавшись ко мне, холмики ее груди уткнулись мне в живот, а ее маленькие хрупкие плечики продолжали содрогаться от плача.

Мне пришлось погладить ее, как маленькую девочку, по голове, усадить на нерабочий мармит – электроплиту, заменявшую в подсобке стул, после чего я вернулся к клиентам.

Вечер завершился мирно и спокойно, продолжения конфликта не последовало, никто не лез ко мне разбираться, выяснять отношения, милицию так и не вызвали, а может, просто не успели, так как все быстро закончилось, да и братья-хулиганы куда-то подевались, и машины их поблизости тоже не было видно.

Поторапливая время, я с трудом доработал до закрытия. Валентина до сих пор не показывалась из подсобки. Собрав со столиков пустую посуду, я отнес ее в умывальник; входя я ободряюще улыбнулся девушке. Вскоре из подсобки послышался шум льющейся воды, и я улыбнулся сам себе, поняв, что Валентина принялась мыть стаканы.

Около полуночи мои клиенты мирно разошлись, и я, закрыв за последним посетителем дверь, вернулся и заглянул в подсобку. Валентина рассматривала себя в зеркало, висевшее на стене, ее глаза были слегка припухшими от недавних слез. Увидев меня, она повернулась и сказала:

– Прости, Савва, что все это произошло из-за меня.

– Хм, – усмехнулся я. – Ты считаешь, я мог им позволить увезти тебя силой? Будь на твоём месте любая другая, пусть даже незнакомая мне девушка, я бы поступил точно так же. – И, замаявшись под её мгновенно насупившимся взглядом, добавил: – Я имею в виду... ну... если бы она была моя клиентка.

– Эти ребята... эти братья уже давно на меня поглядывают, – принялась рассказывать Валентина. – Они живут неподалёку от съёмной квартиры, где я живу, в своём собственном доме. Когда проезжают на своей машине мимо наших окон, обязательно сигналият, хохочут, кричат что-то. Они что, по-человечески не умеют?

– Ты слишком многого от них требуешь, не хочется им по-человечески, понимаешь? – в сердцах сказал я. – Дома с самого детства они видели, скорее всего, только плохое – пьянки да драки, вот и резвятся, мать их! – И, после паузы, улыбнувшись, добавил: – Кстати, Валюша, ты уже можешь выйти из своего убежища.

Валентина шагнула к двери, отодвинула краешек занавеси, убедилась, что в помещении никого нет, и только после этого вышла и остановилась у стойки. Затем сказала с надрывом, словно продолжая начатый накануне разговор:

– Я вот кое-кому скажу, и тогда им точно головы поотрывают!

Я сделал большие удивленные глаза, но спустя минуту решил, что она это сказала просто так, в порыве злости, для бравады, намекая, что её, есть, мол, кому защитить и без меня. Я на эти её слова никак не прореагировал, лишь улыбнулся ей, потом прошёл на любимое место Валентины, уселся на пуфик и сказал шутливым тоном:

– Бармен, будьте любезны, налейте две рюмочке коньячку и сделайте два кофе покрепче.

Валентина улыбнулась смущенно, но мгновенно включилась в игру, засуетилась, стала выбирать рюмочки, затем нашла на полке чешские фирменные стаканчики для виски, поставила их на стойку, слегка подрагивающей рукой налила в них коньяк, потом, робко глянув на меня, достала с полки шоколадку, я кивнул ободряюще, взяв из её рук шоколадку, переломил пополам, и мы выпили, соприкоснувшись стаканчиками, после чего закусили шоколадом. Чуть позже мы повторили коньяк – мне лично это было просто необходимо для снятия стресса, затем, под сваренный мною кофе на песочке, продолжили разговор о происшествии: я успокаивал Валентину, обещал, что больше её никто не тронет, не обидит, что я беру на себя ответственность за неё. Затем мы сменили тему и продолжили говорить – теперь уже абсолютно обо всем. В этот вечер, естественно, я пошел провожать её домой.

– Может, мне стоило бы всем говорить, что я твоя девушка, Савва? – спросила она дорогой. – Может, так лучше будет?

– Мне ужасно приятно это слышать, – ответил я, – только, боюсь, тогда у тебя начнутся проблемы другого рода, – не сейчас, а потом, позже, когда с тобой захочет встречаться какой-нибудь местный парень; ты же знаешь какая у нас, ресторанных работников, репутация. Разговоры пойдут, фантазии у людей разыграются. А ты ведь совсем ещё девчонка.

– А мне никто и не нужен! – воскликнула Валентина запальчиво. – И мне плевать на мою... репутацию. Кто меня полюбит, полюбит такой, какая я есть. А ты! Ты... Ты совсем не такой, как другие.

– Тогда говори, – разрешил я. – Говори, что мы с тобой друзья, и это будет правда, не так ли?

– Так, – просто сказала она.

Мы посидели ещё некоторое время на скамеечке около дома, где она снимала у хозяев комнату на двоих с подругой.

Идти домой мне совершенно не хотелось, и мы продолжали говорить, говорить обо всем на свете и проговорили до двух часов ночи, пока хорошенько не озябли.

Все это время мы говорили в основном о ней – я, опытный ловелас, знал: говорить с женщиной о ней самой – кратчайший путь к успеху, только в этом конкретном случае я совсем

не был уверен, что он мне нужен, этот самый успех. Мне попросту было приятно находиться рядом с этой девушкой, общаться с ней, вот и все. Валентина рассказала о себе, о родителях, о том, что она у них одна-единственная, и родители ее, по свидетельству соседей и родственников, люди довольно зажиточные, хотели вырастить из нее эдакий комнатный цветок, держать ее дома, под неустанной семейной заботой и опекой, чтобы у нее не возникало никаких проблем в жизни. И тогда Валентина решила, что это не для нее. Решила сама устраивать свою дальнейшую жизнь, свою судьбу, – и для начала переехала в наш, более приличный, по ее мнению, город – ей было скучно в своем родном маленьком провинциальном городке Арцизе, что расположен на юго-западе Одесской области, примерно в сотне километров от наших мест.

Слушая ее, я с удивлением подумал: вот ведь, оказывается, для кого-то и наш городок, тоже совсем не большой, кажется большим и приличным городом.

На прощание Валентина как-то неловко, бочком прижалась ко мне, потом мягко оттолкнула от себя и ушла в дом. А я отправился к себе домой, почти наверняка зная, что девушке теперь ничего не грозит – духу этим братьям не хватит воевать со мной, тем более понимая, что в этот вечер они были совершенно не правы.

А на следующий день Валюша вновь пришла в бар. Еще у дверей она опасливо огляделась по сторонам, затем, увидев меня, растерянно улыбнулась, и лишь после этого прошла на свое место. Наивная, улыбнулся я, неужели она думает, что ее недоброжелатели могут находиться здесь, в баре.

Мы перекинулись двумя-тремя фразами, затем я подал Валентине слабоалкогольный трехслойный разноцветный коктейль, который накануне вечером обещал ей приготовить, а сам отправился обслуживать клиентов.

А позднее, часам к десяти, ко мне в бар заявился мой самый близкий друг, ученик и коллега Кондрат, находившийся в прекрасном расположении духа: во-первых, сегодня у него был выходной, во-вторых, он успел уже где-то в городе подцепить двух девушек и шепнул мне, что они – студентки-заочницы, учатся в нашем педагогическом имени Макаренко училище, а сами приезжие – из славного портового города Рени, расположенного на реке Дунай. Дамочки, которые в настоящий момент находились в туалетной комнате ресторана и наводили последние штрихи перед знакомством со мной, были, по его словам, веселыми и общительными, то есть у нас с ними, как он надеялся, всё будет легко и просто. И действительно, несколько минут спустя он вышел в вестибюль, откуда вскоре вернулся с двумя девицами, на мой взгляд, действительно вполне привлекательными. Усадив девиц за стойку в самом дальнем ее конце, Кондрат стал угощать девушек шампанским с пирожными. С благими намерениями он попытался пригласить в эту компанию и Валентину, но я не позволил – из боязни, что подобная компания отпугнет ее, девушку, как я понимал, еще наивную и неиспорченную, поэтому она осталась сидеть на своем месте – вблизи меня.

Время, остававшееся до закрытия, утекло незаметно, вскоре клиенты покинули бар. Валентина всё не уходила, и все мы оказались в пикантной ситуации: Кондрат уже утомился в одиночку развлекать обеих дам, а я, его партнер, был занят другой девушкой и даже с его подружками толком не познакомился.

Играла негромкая музыка, регулятор света в помещении был установлен на самый минимум, а мы с Валентиной танцевали под все мелодии подряд и говорили, говорили... В общем, нам было хорошо и интересно вдвоем.

С тех пор, как мы с ней познакомились, думал я, прошло уже довольно много времени: за год с лишним Валентина повзрослела и расцвела как распутившийся бутон – то есть похорошела, и хотя она оставалась все такой же миниатюрной и хрупкой девушкой, на вид почти ребенком, фигурка ее приобрела женские очертания. Девушка стала пользоваться косметикой – совсем чуть-чуть, научилась играть глазками, даже кокетничать, и уже не казалось мне такой недотрогой, как прежде.

Недотрогой? Но я ведь совсем не знаю, что она из себя представляет. Ведь Валентине уже восемнадцать и ее жизнь, в особенности личная, мне совершенно неведома. За то время, что мы с ней знакомы, я о Валентине почти ничего не узнал: как она живет, какие у нее отношения со сверстниками, с подругами, с сокурсниками, наконец? Возможно, у нее есть парень, с которым она встречается, целуется. А может, и спит с ним. Меня от этой мысли даже кольнула ревность – это такая малюсенькая иголочка, которая ужалила легонько, зато в самое сердце, боль эта быстро прошла, но оставила после себя печаль. И неважно, что сам я за эти месяцы повстречал и познал столь многих женщин... Всяких: и плохих и хороших... в общем, разных.

Все это время, что мы с ней были знакомы, я относился к Валентине как к юной девушке, почти как к ребенку, а ведь она заметно изменилась и стала для многих привлекательна уже по-женски.

«Постой! – сказал я сам себе. – Что-то с тобой не в порядке, Савва, почему ты так много думаешь обо всем об этом?.. Что тебе до нее, до этой девчонки?».

И все же... все же... Я почему-то был уверен, что она еще чиста и невинна, и, может, именно поэтому-то меня, как я подсознательно понимал, к ней и тянуло.

«Да, возможно, она чиста и невинна. Пожалуй, даже наверняка. Но я-то тут при чем, черт меня подери!» – останавливал я сам себя. И тут я все сам про себя понял. Я понял, что попросту боюсь близости с ней, если бы она и случилась, боюсь разрушить те прекрасные отношения, что сложились между нами. Тогда кто же я по отношению к ней? Альтруист, ожидающий, что придет другой, какой-нибудь решительный юноша, который завоюет ее сердце, а затем уложит в постель? Но если это сделаю я, то между нами уже не будет таких же отношений как прежде – чистых и доверительных, а начнется близость, секс, потом, естественно, возникнут проблемы, претензии, выяснение отношений, после чего последует неизбежное расставание. Не жениться же мне на ней, старому дуралею, в самом деле, ведь между нами десять лет разницы в возрасте – целая пропасть!

Кондрат по-прежнему один развлекал девушек, периодически подливая в их бокалы шампанское, беспрестанно выдавал на-гора все последние анекдоты и местные приколы, не переставая при этом бросать на меня мимолетные взгляды, становившиеся раз от раза все более суровыми. Наконец его терпение иссякло, и он соорудил мне так называемую «морду лопатой» – у него эти рожицы получались достаточно выразительно. Тогда я схватил Валюшу за руку, сказал Кондрату, что скоро вернусь, попросил его закрыть за нами дверь, и мы вышли на улицу.

Когда мы подходили к ее дому, Валентина, взявшись руками за отвороты моей куртки, притянула меня к себе, встала на цыпочки, поцеловала в губы и сказала:

– Я знаю, что ты никому не разрешаешь целовать себя... А мне можно, слышишь! – Она воскликнула это с некоторой агрессивностью, словно я ей противоречил, но уже через секунду мягко улыбнулась. – А теперь иди, тебя там ждут... твои друзья.

И она убежала в дом.

Я, немного ошарашенный ее словами, и, в особенности действиями, пошел прочь и, только сделав с десяток шагов, вспомнил, что мне, собственно, нужно было идти в другую сторону, и повернул к ресторану.

Дорогой я вспоминал рассказы Валентины о себе и о родителях, которые имея большой дом и хозяйство, могли достойно содержать единственную дочь, посылая ей деньги на съем комнаты и на житье-бытье. Поэтому Валентина, не желая жить в общежитии, сняла комнату и взяла к себе в компаньонки подругу – не из-за денег, а просто из боязни быть одной. А на оставшиеся деньги, полученные от родителей, она вполне полноценно питалась и покупала себе новые вещи.

В памяти промелькнула целая серия воспоминаний: всегда модно и аккуратно одетая, юная и свежая, Валентина входила ко мне в бар, и мне, глядя на нее, становилось теплее

и радостнее, и светлее на душе, и думалось, что этот мир еще не окончательно испорчен, пока на свете существует такая душевная чистота и целомудренная красота.

Когда я, переполняемый этими сумбурными мыслями, вернулся в бар, Кондрат уже вовсю, с придыханиями, услаждался с одной из девушек, расположившись с ней по ту сторону стойки на матрасе, оставив другую скучать и страдать в одиночестве, в угловой кабинке.

Этой ночью, сжимая в своих объятиях незнакомую мне девушку, я все время думал о другой, и даже пару раз в порыве страсти назвал свою пассию Валюшей. Наутро партнершу, которую звали, кажется, Людмилой, я не мог оторвать от себя: она льнула ко мне, считая, видимо, что я влюбился в нее без памяти – столько страсти я вложил в интим с ней, мечтая в ту минуту совсем о другой.

Следующим вечером Валентина вновь появилась в баре. (А я уже считал, что она не захочет больше меня видеть после вчерашнего). Мы поздоровались, она была, как и всегда прежде, сдержанна, но я успел обратить внимание, что выглядит «моя» Валентина сегодня как-то необычно: видно было, что что-то ее очень тревожит, заботит.

Она присидела со своим соковым коктейлем в руках молчаливо вплоть до самого закрытия, и пока я был чем-то занят, она смотрела на меня, почти не отрывая своего взгляда, а когда я поднимал на нее глаза, она отводила взгляд, делая вид, что разглядывает что-то там на стойке.

В двенадцатом часу, когда все клиенты уже покинули бар, Валентина все еще оставалась на месте, сидя практически не шевелясь, видимо, глубоко о чем-то задумавшись. Я подошел к ней и легонько тронул девушку за локоть. Валентина вздрогнула, повернулась ко мне и пристально поглядела своими бездонными зелеными глазами. Мне с трудом удалось справиться с собой, сердце неожиданно дало сбой: казалось, еще мгновение и я утону в них, в этих глазах, потеряю голову, брошусь целовать ее, объясняться в любви или сделаю что-либо еще в этом роде, не менее сумасшедшее и опрометчивое.

Но Валентина глядела на меня просто и доверчиво, и в то же время, словно ища у меня защиты от чего-то, ее тревожащего, неведомого мне. Я спросил, могу ли я проводить ее домой, она кивнула, и мы вышли в прохладную осеннюю ночь.

– Что-то случилось, Валюша? – спросил я ее осторожно. – Ты сегодня какая-то... необычная.

Она подняла на меня глаза – в одну секунду в них появились слезы, и я, протянув руку, сжал ее ладошку в своей: мне показалось, что я один сумею заслонить, защитить, успокоить, уберечь девушку от того, что беспокоит и тревожит ее.

И тут Валентину прорвало: она волнуясь и захлебываясь в потоке слов, стала рассказывать о своем парне, с которым встречается уже почти год (!). Ему было девятнадцать лет, он работал электриком в городском торге и звали его Игорь (когда она на мгновение приостановила свое сумбурное повествование, я спросил ее, как он выглядит, и, выслушав ее, тут же вспомнил парня, о котором она говорила – мне с ним несколько раз прежде приходилось общаться по работе).

И вот недавно, продолжала рассказывать Валентина, Игорь познакомил ее со своими родителями и представил как свою невесту. Родители одобрили его выбор, и хорошо к ней, Валентине, отнеслись, так что дело у них, практически, шло к свадьбе. Оставалось лишь познакомиться между собой родителей и уже вместе обговорить все нюансы предстоящих приятных хлопот. А на днях Игорь получил повестку в армию – через пару недель ему предстояло уходить на действительную службу. И тогда он (в этом месте рассказа голос девушки зазвенел), сказал ей, что им обязательно следует переспать, а потом она должна будет дожидаться его возвращения из армии и только потом они поженятся – таким образом он, мол, поверит в ее искренние чувства к нему.

Валентина схватила меня за рукав пиджака и стала, в волнении теребя его, горячо доказывать, что он не прав и собирается несправедливо с ней поступить. В ее голосе звучала боль

и обида, щеки ее пылали малиновым румянцем, а гневные изобличительные слова так и слетали с ее уст. В эту минуту она была замечательно хороша, хоть история ее была банальна до слез, и мне было даже немного обидно и грустно, что это случилось с девушкой, которая мне нравится, которую я чуть ли не боготворил.

Вскоре мы поравнялись с ее домом, она остановилась, ее маленькие кулачки колотили мне в грудь, словно Валентина в своей боли хотела достучаться до самого моего сердца. Затем она уткнулась лицом в то самое место, куда только что била и заплакала.

А через минуту, схватив меня за руку, и не говоря больше ни слова, Валюша открыла калитку, ведущую в дом, потом входную дверь, и повела меня в свои «покои». В доме в тот день никого не было – хозяева куда-то уехали, подружка также отсутствовала. Войдя в комнату, она сбросила куртку на стул, а сама села на край высокой и твердой, без пружин, деревянной кровати, какие в наше время можно увидеть только в кино про довоенную, а то и про дореволюционную жизнь в России, или найти в покосившихся, вросших от старости до самых окон в землю хатах где-нибудь в дальних, удаленных от цивилизации деревнях.

«На такой вот жесткой кровати легко расставаться с девственностью», – мелькнула у меня коварная мысль.

Остальная обстановка комнаты соответствовала кровати: почти всю поверхность пола устилали домотканые коврики-дорожки, старинный темного дерева пузатый комод располагался рядом с кроватью, на нем стояли неизменные семь разновеликих слоников – на счастье, в углу черно-белый, производства 60-х годов явно нерабочий телевизор, покрытый пожелтевшей от времени вязаной салфеткой, на стенах фотографии каких-то дедушек и бабушек в платках и их детей с напряженными и испуганными лицами, все они в мешковатой бесформенной темно-серой одежде, которую носили с тридцатых по шестидесятые годы... И лишь трюмо у двери, явно современное, с расставленной на нем косметикой, возвратило мои мысли к действительности.

Я продолжал стоять у порога и медленно оглядывал комнату, чтобы дать Валентине время прийти в себя, надеясь на то, что она одумается, поймет, что привела меня сюда неосознанно, что, возможно, с ее стороны это было секундной слабостью, необдуманном порывом, может быть даже блажью, и она еще имеет возможность отыграть все назад, но, увидев в глазах Валентины призыв, ожидание, полуоткрытые в томлении губки и тянущиеся ко мне руки, шагнул к ней, взял ее руки в свои, и впервые за все время со дня нашего знакомства поцеловал ее такие милые, заплаканные глаза.

Затем я строго спросил ее:

– Скажи, ты любишь его?

– Теперь – ненавижу! – ответила она.

Я не стал объяснять этой девочке, что любовь и ненависть – это почти одно и то же, что оба эти чувства так парадоксально близки – теперь это было уже бессмысленно.

С минуту мы смотрели друг другу в глаза, затем она сказала:

– Я хочу, Савва, чтобы ты стал моим первым мужчиной!

Что и говорить, после этих слов я не мог больше сопротивляться ни себе, ни ей, ни природе, да и кто бы меня осудил в такую минуту?

Мы оставили включенным только ночник, стоявший на трюмо и стали медленно раздеваться. Валентина даже помогала мне вначале, расстегивая своими трогательно маленькими пальчиками пуговицы рубашки на моей груди, но вскоре, оставшись лишь в трусиках и лифчике, внезапно испугалась того, что ей предстояло, и уперлась мне в грудь ладонками. Тогда я взял ее, почти невесомую, на руки и, положив в постель, стал ласково целовать.

– Я знаю, ты не сделаешь мне больно, – прошептала она, закрывая глаза и обхватывая мою голову руками. Я продолжал ее целовать, она мне отвечала, это продолжалось долго, принося мне поистине упоительные ощущения. Казалось, наша постель окружена призрачным облаком,

пронизанным молниями любви. Я ласкал ее до тех пор, пока не почувствовал, что она уже по-женски, хотя и была еще девушкой, жаждет меня. Но когда я сжал ее в своих объятиях, она затрепетала, сопротивляясь моему порыву. Ее маленькие округлые ягодицы почти целиком спрятались в моих ладонях, и я, направив «удальца» в цель, осторожно и плавно вошел в нее. Я старался не причинить ей боль, но все же любое мое движение, любой порыв, сопровождалось ее стонами – казалось, даже мизинец слишком велик для ее миниатюрного лона. Мы оба хотели, жаждали полностью ощутить друг друга, но... не могли, и, казалось, она из-за этого ужасно страдает.

– Не волнуйся, моя милая девочка, – шептал я успокаивающе в перерывах между поцелуями. – Все так и должно быть, это нормально. Вот увидишь, время все подправит и все у нас еще получится.

– Это невозможно, – всхлипывая, прошептала она. – Такой гигант во мне никогда не поместится.

Я поневоле улыбнулся – она была едва ли не первой в моей жизни партнершей, которая дала моему естеству такую незаслуженно лестную характеристику.

До самого утра мы не спали: она привыкала к новым для себя ощущениям, а я старался, проявляя нежность и ласку, сделать так, чтобы эти ощущения были для нее менее болезненны. Мы расстались утром на рассвете, а перед этим долго и трогательно прощались.

Прошло три дня, и мы вновь встретились, на этот раз на моей квартире, так как соседка Валентины по комнате вернулась из села.

Так мы стали любовниками. Валентина не ходила больше в дом своего бывшего жениха Игоря, и даже, на всякий случай, не желая видеть его, целую неделю прожила у одной из своих подружек в частном доме, расположенном в другой части города. А вскоре Игорь, который, надо признать, и не разыскивал свою девушку, которую еще совсем недавно называл невестой, благополучно отбыл в советскую армию.

После этого мы стали видеться с Валентиной чаще, почти каждый день, постепенно наша сексуальная жизнь стала налаживаться, мы сумели приспособиться друг к другу, и я перестал встречаться с другими женщинами – это казалось мне теперь недостойным и даже неинтересным занятием. Кондрат, с которым мы виделись в этот период достаточно редко, лишь укоризненно качал головой, но ничего не говорил – знал, что в данном случае это бесполезно.

Валентина меня полностью удовлетворяла: она была мила, нежна, ничего от меня не требовала, и у нас были трогательно бережные и ласковые отношения.

Так прошло около полутора месяцев, когда в одно не очень приятное утро она забежала в бар попрощаться: Валентине необходимо было срочно выехать в Арциз к родителям, она получила из дому телеграмму, в которой сообщалось, что тяжело заболела мать. Провожая девушку к автобусу, я и предположить не мог, что мы расстанемся с ней ужасно надолго; хотя мы с ней ни о чем не договаривались, я все же думал, что у нас обоих есть теперь друг перед другом какие-то обязательства.

Но обстоятельства сложились так, что мы с ней встретились вновь лишь год спустя. Всё это время я думал о ней, скучал, но не мог понять, что ей мешает приехать в наш город; и сам не ехал в Арциз, плохо себе даже представляя, где он находится, не говоря уж о том, чтобы разыскивать там Валентину.

Но всё же она приехала, и, по ее словам, только для того, чтобы увидеть меня. Она была теперь замужем, но уже планировала развестись со своим мужем и для продолжения учебы поступать в мединститут; раннее замужество и последующая тихая семейная жизнь в маленьком захудалом городке – эти перспективы, как она уже давно уяснила для себя, ее не привлекали.

Валентина рассказала, что родители ее буквально один за другим, в течение двух месяцев тяжело заболели и умерли, из-за чего ей пришлось бросить учебу и остаться в доме на хозяй-

стве. Соседский парень, тот самый, будущий муж, поддержал ее в этот тягостный для нее период, и они сблизились. Из благодарности за сострадание к ее горю, она потянулась к этому парню, они стали жить вместе и вскоре расписались, узаконив свои отношения. А потом, спустя полгода после смерти родителей, когда горе немного отпустило, она пришла в себя и вдруг обнаружила, что рядом с ней человек, которого она совсем не любит... И тогда она решила расстаться с ним, продать все, что только возможно – дом, машину и все остальное, принадлежавшее теперь ей, и уехать учиться.

Этот вечер (и ночь целиком) мы провели вместе, не расставаясь ни на минуту – мы говорили, ласкали, любили друг друга, и вновь говорили – до самого рассвета.

А утром я проводил ее к автобусу, следовавшему рейсом на Одессу, на полпути к которой находился ее родной Арциз. Валентине предстояло теперь самой, одной пробиваться в этой, столь непростой и нелегкой жизни.

Новелла третья. Саша-Кошелек

Коктейль «Шурик»

Коньяк 40 мл.

Тоник 60 мл.

В стакан положить лёд, налить по очереди ингредиенты, смешать. Подать с соломинкой.

*То наслаждаясь, то скорбя
держишься пути любого,
будь сам собой, не то тебя
посадят за другого.
Игорь Губерман*

Нет, это не меня так называли – «Саша-кошелек», но другого человека, как утверждают, очень на меня похожего или, как еще иногда говорят, двойника.

Говорят, что у каждого человека на Земле обязательно имеется двойник. При этом он может жить где угодно: на соседней улице или в городе, расположенном от вашего в тысячах километров, а также в другой стране; возможно, что и на другом континенте. Даже цвет кожи у него может быть отличным от вашего, но, тем не менее, он будет точной вашей копией. Уверен, что и вам, дорогой читатель, приходилось в своей жизни встречать двойника, если не своего, то уж наверняка кого-нибудь из ваших родных или близких.

Хочется также отметить, что мы, люди, обычно плохо представляем самих себя со стороны. И в том случае, если нам когда-либо предоставляется такая возможность – встретить своего двойника, мы, вероятнее всего, пройдем мимо него, и хорошо еще, если подумаем при этом: кого-то этот человек мне напоминает и – продолжим свой путь.

Нечто подобное случилось и со мной.

Весьма вероятно, что я встречал своего так называемого двойника в нашем маленьком городе, пожалуй, даже обязательно встречал. Когда, спустя годы, мне показали его маму, я удивился, насколько она была похожа на мою маму.

Итак, у меня, как утверждают многие мои знакомые, имелся двойник, причем живущий в нашем городе, и звали его Сашей. Как вы помните из предыдущих историй, меня тоже нередко называют Сашей, и это, наверное, не случайно: когда я был еще в нежном двухмесячном возрасте, мамины соседи и друзья, семейная пара, видя, что моя мама, идейная комсомолка, не собирается меня крестить, обманным способом выкрали меня из дома, отнесли в церковь, где, крестили и дали имя – Саша. Мама, узнав об этом лишь спустя несколько дней, долго думала как поступить, но в конце концов все же оставила имя Савва.

Такая вот история с именами. Что же касается моего двойника, то мы с этим Сашей были одногодками, одного роста и, по словам наших многочисленных общих знакомых, практически одинакового сложения; в это трудно поверить, но совпадал также цвет волос, да и голоса наши тоже были схожи. Он работал водителем-дальнобойщиком на автобазе «Молдплодоовощпром», а кличку свою – «Кошелек» получил, вероятнее всего за то, что, когда это требовалось, он доставал из кармана весьма увесистый кошелек и покупал все, что ему хотелось. Кроме прочего, у него также имелся личный автомобиль «жигули».

Почему я говорю об этом парне и о нашем сходстве с ним в прошедшем времени? Да потому что он, не достигнув, по-моему, и 30-летнего возраста, погиб. Погиб глупо, совершенно случайно: его автомобиль-тягач стоял на «пищевке» – есть в нашем городе такой вино-

дельческий цех при межрайпромкомбинате Зейтмана; прицеп в это время грузился бутылочным вином, и Саша, воспользовавшись имеющимся у него свободным временем, ковырялся в моторе отцепленного тягача. В этом месте имеется сильный естественный уклон, и в какой-то момент машина, стоявшая на спуске, неожиданно сорвавшись с тормозов и двинувшись с места, придавила его к дереву, в результате чего водитель получил смертельную травму.

Вот такая грустная история.

Впоследствии многие люди говорили мне, что мы с ним были удивительно похожи, а я представлю вам несколько эпизодов из моей жизни, связанных с этим.

История первая.

Как-то раз, в обычное время, 19.00, едва я открыл бар после обеденного перерыва, внутрь вошли несколько милиционеров в форме – работников ГАИ. Воспользовавшись тем, что в баре никого из посетителей не было, они заказали по 100 грамм водки. Выпили, расслабились, разговорились между собой, затем один из них, сержант, уже давно, судя по его виду, порывавшийся что-то сказать, обратился ко мне:

– Как же так получается, Саша, ты мне с месяц назад обещал пару жигулевских колес, а сам оставил свою работу на автобазе и перебрался в бар?

Коллеги сержанта, очевидно, в предчувствии дармового угощения оживились и стали подзуживать сержанта. «Да, действительно, много их, таких, вначале обещают, а потом...», – тут же подхватил важную для гаишников тему один из них, старшина. «Точно, Никушор, давай разберемся с этим нарушителем, пусть выставляется, как положено» – требовал другой, младший лейтенант. И так далее. То был первый случай, что нас с Сашей-Кошельком спутали, и я немного растерялся.

– Извини, сержант, – сказал я ему, – я тебе не мог обещать жигулевских колес по одной простой причине: я не водитель, и потому я не только не имею этих самых колес, которые, якобы, обещал тебе, но и вообще не отличаю колесо от карбюратора.

Менты дружно загоготали, а «мой» сержант покраснел, как помидор, тон его сделался обиженным, и он мне заявил:

– Ну так мы еще встретимся на трассе, когда ты будешь за рулем, и посмотрим, что ты тогда скажешь.

– Дорогой мой сержант, – с улыбкой сказал я, – если мы когда и встретимся на трассе, то это будет еще очень нескоро, мне придется сначала выучиться и сдать на права, а потом купить машину. Ты к тому времени, я думаю, или уже выйдешь на пенсию, или дослужишься до майора и будешь сидеть в кабинете, а не бегать на свежем воздухе, вылавливая нарушителей.

В это самое время в бар стали входить клиенты, мои милиционеры спешно расплатились и ушли, а сержант, что было заметно, остался очень зол.

А вот вторая история.

В тот вечер мы вместе с моим товарищем Кондратом, будучи свободными от всех дел, гуляли по городу, в районе кинотеатра. На улице уже смеркалось, когда перед нами возникли две девушки, перегородив тем самым нам путь. Девушки держали друг дружку под руку и, словно не замечая нас, хитренько так между собой переглядывались. Они были мне незнакомы, и внешне, как я успел заметить, ничего особенного собой не представляли, так как вид у обеих был провинциальный, а одежда девушек и вовсе была куплена в сельпо. Я с удивлением поглядел на них, даже не представляя себе, чем мы их могли заинтересовать, затем перевел взгляд на Кондрата, но тот никак не среагировал на их появление, а просто вопросительно уставился на них. Однако обе девушки продолжали молчать и, загадочно поглядывая на нас, улыбаться; мы в недоумении улыбались им в ответ. Когда пауза, по моему мнению, слишком затянулась, одна из девушек вдруг заявляет:

– Что, Саша, ты меня не узнаешь? – И говорит она это, обращаясь ко мне, с такой ироничной усмешкой на лице, что Кондрат даже подтолкнул меня под локоть. А девушка тем временем продолжает, явно ища сочувствия у своей подруги, а заодно и у Кондрата:

– Ты ведь целых два года за мной бегал, так, а теперь что, обходишь меня стороной?

– Да-а, товарищ, – демонстративно делая от меня шаг в сторону, как бы выражая мне тем самым свое неодобрение, отреагировал на ее слова Кондрат, – а в чем собственно дело? Ваше столь неприязненное отношение к этой молодой особе совершенно недопустимо. – И, обращаясь к девушке, спрашивает, причем участливо так, с придыханием:

– А жениться он на вас не обещал, мадам? Потому что он у нас пряткий, как туда нырять, так он герой, а как жениться, иди его свищи.

Девушка от его слов явно растерялась и, переводя взгляд с одного из нас на другого, даже отступила на шаг назад. А у ее подруги, наоборот, глазки заблестели, ей, видимо, было очень интересно наблюдать за развитием сюжета. И тут слово взял я.

– Почему же, пупсик, ты решила, что я обхожу тебя стороной? Нет, что ты, я и не собирался прятаться, поэтому предлагаю общаться. Только вот я что-то не припомню, чтобы в своей жизни за кем-то два года бегал. – При этих словах я полуобернулся к своему товарищу и развел руками в стороны. – Обычно уже через час после знакомства мы с понравившейся мне девушкой кувыркаемся на диване голышом.

В то время, пока я все это говорил, глаза девицы все больше расширялись, наверное, от ужаса, а когда закончил, она и вовсе отшатнулась от меня. Прижав руки к груди, она воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.